

ЕВГЕНИЯ ПЕРЛОВА

АСФОДЕЛЬ
ЦВЕТОК ЗАБВЕНИЯ

Евгения Перлова

Асфодель, цветок забвения

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69372631

Асфодель. Цветок забвения / Евгения Перлова: SelfPub; Прага; 2024

ISBN 978-80-7499-507-1

Аннотация

Принять то, чего не видишь, практически невозможно. Но если смотреть вместе с тем, кто видит, горизонты сдвигаются. Вы существуете в двух реальностях, странным образом пересекающихся между собой. Она уходит, когда становится невыносимо. А ему страшнее всего отпустить. Это история о брате и сестре, болезни и выздоровлении, о пути к себе. И о том, что мы можем выбрать жизнь и любовь, если в нас достаточно сил и смелости.

Содержание

Посвящение	5
Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Евгения Перлова

Асфодель. Цветок забвения

*С любовью брату,
который верил
в Город Снегов*

© Евгения Перлова, 2023

© Оформление. ООО «Издательство Анимедия», 2016

Посвящение

*She was always like a feather in the air,
I never knew if she was flying or falling.
She was always like a feather in my life,
I hope she flies¹.*

Aura Dione, Song for Sophie

*Burn your biographies,
Rewrite your history,
Light up your wildest dreams².*

Panic! At the Disco, High Hopes

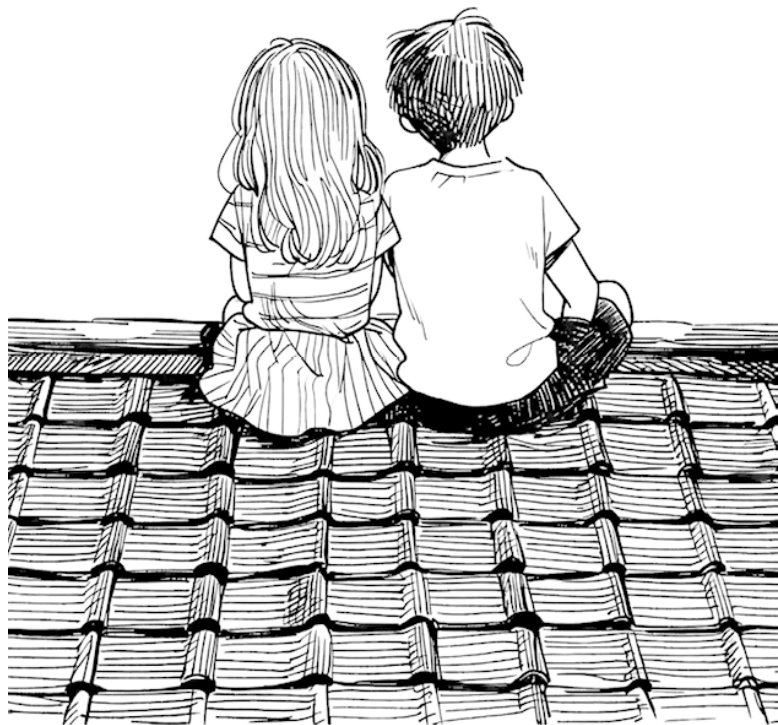
God, keep my head above water³.

Avril Lavigne

¹ «Она всегда была словно перышко на ветру, Я никогда не понимал, летала она или падала. Всегда словно перышко в моей жизни, Надеюсь, она летает» (Аура Дионе, «Песня для Софи»).

² «Сожги прошлое, Перепиши историю. Воплоти в жизнь свои самые безумные мечты» (Panic! At the Disco, «Большие надежды»).

³ «Господи, держи мою голову над водой» (Аврил Лавин).

Привет, девочка.

Такие простые слова. И трудные.

Хочу говорить их тебе каждый день, что бы ни случилось.

Мне тяжело было произносить твое имя не то что вслух, но даже думать о том, как тебя зовут. Конечно, это меня ни-

чуть не оправдывает.

Я мог бы сказать: тогда с неба лило, как сегодня, а ты бы спросила: «Ну и что?» Ведь мы не знали друг друга столько лет. Какая тебе разница, шел в тот день дождь или нет?

Вместе с дождем воспоминания о девушке с каштановыми волосами приходят ко мне. У нее глаза цвета теплой осени. Как и у тебя. Когда греешь сахар, и он начинает плавиться, получается тот самый оттенок. Думаю, она бы тебе понравилась, та девушка.

Ведь у тебя ее имя.

Знаешь, в такой мокрый и неуютный день, как сегодня, несколько лет назад я резал запястье.

Погоди рвать письмо и называть меня идиотом. Хотя, конечно, я он и есть. Нет-нет, я не хотел умирать, никогда не хотел. Прости, что рассказываю, но, мне кажется, ты поймешь. По крайней мере, тебе следует знать.

Мне просто нужно было увидеть кровь, почувствовать, что я живой, понимаешь? А потом я стал «рисовать» птицу. Стрижа. Кривого, раскинувшего в стороны крылья. Я не чувствовал боли, и это было странно. Я замотал запястье платком и вышел под дождь. Волосы облепили лицо, я убрал их. Впервые подумал, что, наверное, надо обстричься, под дождем неудобно, за шиворот по хвосту стекает вода. Но если подстригусь – не смогу закрываться от людей, когда играю.

Ты...

У меня перехватывает дыхание, когда я думаю о тебе.

Знаю, ты считаешь меня полным придурком, это жаль, но не смертельно.

Так бывает.

Я тебе сейчас подробно рассказывал об этой птице, потому что ты спрашивала меня о ней, помнишь? И я соврал. Сказал, что родился с ней. И ты почему-то поверила. Прости меня, девочка, я больше никогда не хочу тебе врать. Возможно, ты найдешь в себе силы и желание верить мне.

Когда-то я так же верил одному человеку. Той девушке.

Беспрекословно, безрассудно, бесконечно.

Люблю ли я тебя? У меня было слишком мало времени в самом начале, чтобы это понять. Но я хочу понять это сейчас. Хочешь ли ты?

М.

Часть первая

Город Снегов

куда. Хмурая, она возникла словно из параллельного пространства и стояла в дверном проеме, оценивающе разглядывая Мику. На ней было вязаное красное платье с длинным рукавом и блестящие туфли. Она стучала каблучком в пол, как будто отбивала ритм какой-то песни, крепко прижимая к себе большого плюшевого медведя. Ее волосы цвета темной карамели были заплетены в тугую корзинку. Мике казалось, что он знает песню, которую девчонка отбивает каблучком, и хотел было потопать с ней в такт, но она вдруг прекратила стучать и подошла к нему. Он стоял, не смея пошевелиться, пораженный самим фактом ее присутствия в его комнате.

– Я волшебница, понял? – сказала она, подойдя к Мике вплотную, нос к носу. – Медведя не трогай, а то заколдую насовсем!

В это мгновение она вторглась в его маленькое личное пространство, бесцеремонно, сразу и навсегда. Он смотрел в ее светло-карие глаза, оцепенев, и молчал. Она, довольная произведенным впечатлением, хмыкнула и прошла к его игрушкам, села на пол и стала играть. Он какое-то время продолжал стоять в ступоре, потом подошел к ней и плюхнулся рядом. Сидел и наблюдал за тем, как она достает его машинки и конструктор.

Медведя она задвинула за спину и погрозила Мике кулаком: не смей, мол, и смотреть даже на моего зверя.

Мика оглянулся и обрадовался, увидев в дверях маму. Вскочил, побежал и уткнулся ей в юбку. Мама подхватила

его, и он, запинаясь, спросил, что за девочка в его комнате и как она умеет колдовать.

– Ты чего, Мишутка, это твоя сестра, Элина, – улыбнулась мама, целуя его в лоб и щеки, – я думала, ты помнишь.

Мика тихонько повторял: «сестра-сестра», буква «р» застревала где-то у неба, получалось «сестъя» – противное, ключее острое слово, не несущее в себе ничего хорошего.

Воспоминания о сестре до ее внезапного появления в дверях комнаты были смутными, размытыми и какими-то ненастоящими, словно раньше Элины вообще не было. Она же утверждала, что знала его с самого начала. Говорила, что когда он родился, то был лысым, потом стал белым как снег, а после немного потемнел. И что глаза у него сначала были черные, потом позеленели и, в конце концов, стали голубыми. Мика спрашивал у мамы, и та смеялась, отвечая, что все в точности так и происходило, видимо, сын долго не мог определиться, каким ему быть.

В другом воспоминании о сестре был ремонт в их общей комнате. Родители занимались им все выходные, и вот, наконец, закончив с поклейкой светлых обоев, уставшие, уложили детей на дневной сон и ушли на кухню пить чай. Проснувшись, Мика увидел на полстены кривое солнце, от которого расходились лучи с метелками, оно улыбалось большим неровным ртом и удивленно смотрело на него глазами-кругляшами разного размера. Элина была так увлечена рисованием метелки очередного луча, что не услышала, как ойкну-

ла мама, зайдя в комнату.

Художницу отправили в угол, а мама долго и аккуратно стирала рисунок ластиком сначала под всхлипывания, потом под комментарии «ну красиво же было, ну солнце же». Угол был целой маленькой комнаткой, поскольку дверь из кухни закрывала его наискосок. Внутри разместился бочонок-пылесос, на который можно было присесть. Попричитав, Элина залезла на пылесос и стала распевать песни, и наказание в итоге превратилось в общее веселье.

Еще Миша хорошо помнил, как мама читала перед сном «Волшебника Изумрудного города», а на следующий день Элина уговорила всех «поиграть в сказку». Папа стал и Страшилой, и Дровосеком, и Львом одновременно. Он изображал всех по очереди: то переваливался с ноги на ногу, как неуклюжее соломенное пугало, то говорил металлическим голосом, как робот, хотя Железный Дровосек вовсе не был роботом, то рычал, как лев. Мама играла Тотошку и периодически волшебниц. Элина, конечно, была Элли, а Мика – Гудвином, потому что кроме Гудвина он никакую роль не хотел. Хоть Гудвин и обманщик, зато самый главный Волшебник.

А потом был общий день рождения, и Мика не мог понять, почему общий. Ведь в прошлом году у него был свой собственный день на одного, сейчас вдруг общий на двоих. Зато в этот раз торт был намного больше, чем всегда: огромный, бежево-кремовый, разделенный шоколадной линией на

две половины, в каждой по пять свечей.

– Эля и Мика, загадайте желания и задувайте свечи, – их подвели к торту.

И тогда она отказалась задувать и надулась, топнула ногой и сказала, чтоб все звали ее Элли. Никто не сопротивлялся, какая разница – Эля или Элли. А имя Миша трансформировалось в Мику задолго до этого дня, потому что Элине было трудно произносить звук «ш». Она говорила: «Мика», и все стали звать его так. Ее водили к логопеду, и она довольно быстро заговорила чисто, но все равно продолжала звать брата Микой, как и мама с папой, да и все остальные тоже.

Эти все остальные – в садике, во дворе, в поликлинике – периодически шептались о чем-то, и до Мики долетали обрывки фраз:

– Интересно, им скажут?

– Бедняжка...

– Наверное, ужасно тяжело, такая ситуация...

Мике не нравились слова «ужасно», «тяжело» и «бедняжка», ему казалось, будто люди говорят о том, что Элли чем-то больна, и ему было не по себе.

Элли словно не слышала, а когда Мика рассказывал ей, о чем шепчутся взрослые, пожимала плечами. Она выглядела веселой и вполне здоровой, и он успокаивался: раз Элли все равно, значит, ничего не происходит.

Когда им было восемь, отцу предложили хорошую работу в городе Октябрьск-45, и шепотки остались во дворе до-

ма города Топольки. Мика помнил, как они встали затемно и бабушка с дедушкой плакали, прощались и просили приезжать почаще, не забывать, писать и звонить, а они с Элли радовались, потому что у них начиналось первое настоящее путешествие. И потом они долго ехали в машине за КамАЗом, в кузове которого были коробки с вещами и разобранная, завернутая в тряпки мебель.

Мика помнил, что, когда они добрались до города, уже снова было темно и папа с водителем КамАЗа куда-то побежали, а они вышли с мамой на улицу и смотрели, как большие ворота разъезжаются и съезжаются, впуская и выпуская машины. Справа от ворот начинался освещаемый фонарями высокий длинный забор из колючей проволоки в два ряда, между которыми ходили солдаты с автоматами и бегали овчарки. Слева было небольшое двухэтажное здание с несколькими входами, одни люди входили, другие выходили, и Мика с Элли удивлялись, как много народа живет в таком маленьком доме. А потом за ними пришел папа, и они отправились туда, и оказалось, что это вовсе не дом. Там было несколько проходов со стеклянными будками, внутри сидели люди в военной форме, и люди в обычной одежде подходили к ним по очереди и протягивали какие-то разноцветные карточки, после чего их пропускали внутрь. А другие люди появлялись на этой стороне из других будок и уходили в двери, откуда зашли Элли с Микой и мамой. И они с мамой тоже пошли через стеклянную будку, и человек в военной форме прове-

рял мамины документы, и потом они оказались с другой стороны. И все – деревья и трава – было то же самое, что и там, откуда они пришли, и в то же время другое. В чем заключалась «другость», сказать было сложно, как будто просто даже запахи были какие-то новые, непонятные. И оттого немного тревожные. КамАЗ выехал из ворот, за ним на машине папа, они сели к нему и, поднимаясь по дороге, смотрели, как плывут за окном здания, мигая десятками желтых окон.

Их дом был на возвышенности, а квартира – с видом на пруд, который находился за забором. Но сверху виднелись только лес и вода, так что казалось, будто никакого забора вовсе нет.

Октябрьск был городком зеленым, тихим и спокойным. И маленьким, как говорила одна местная поэтесса, «его можно было пройти за полчаса на шпильках». Тут она, конечно, преувеличивала слегка, поскольку город состоял из нескольких районов и постоянно расширялся. Пройти насквозь за полчаса по центральной улице его можно было от дома, где жили Элли и Мика, до главной вахты.

В новой квартире было три комнаты. Родители хотели расселить детей, но неожиданно встретили дружное сопротивление: Мика и Элли схватились за руки и заорали в один голос, что будут жить вместе.

– Нам же легче, – обрадовался папа, – тогда будет детская, гостиная и у меня с мамой комната!

Детской стала маленькая, но зато самая светлая комната

в квартире, да еще и с собственным балконом. Поставили двухъярусную кровать, и Элли тут же заняла верхнюю часть. Мика расстроился, сестра сжалилась, и они договорились меняться раз в месяц.

В первую же ночь Элли свалилась с кровати. Мама и папа были в недоумении: как она это сделала?! Высокие бортики надежно защищали спящего ребенка от падения. После долгих слез и переговоров с родителями Элли пришлось смириться с тем, что ее место – нижнее. Мика радовался, но восторг свой не показывал, чтобы не расстраивать сестру.

С равнодушным видом он забрался наверх и стал деловито взбивать подушку. Элли насупилась и залезла под одеяло.

Зашел папа и поинтересовался, о чем дети хотели бы послушать перед сном. О Бермудском треугольнике или о возможности существования жизни на других планетах Солнечной системы? Или рассказать им о том, что такое спутник Земли Луна на самом деле?

У папы, казалось, всегда были ответы на самые фантастические вопросы, и дети обожали слушать его истории перед сном.

– Па, помнишь, когда мы еще не здесь жили, ты нам фокус с зеркалом показывал? – оживилась Элли. – И сказал, что есть такое природное явление... фа-а... ма-а-а... Забыла, как называется. Расскажи?

– Это когда вы видели замок из кубиков там, где его на самом деле не было? – улыбнулся папа.

– Ага, – кивнула Элли.

* * *

Пару месяцев назад они с Микой чего-то не поделили и играли порознь: Мика расположился возле кухонного стола на полу и строил замок из кубиков, Элли сидела за столом и рисовала. Подошел папа и поинтересовался:

– Дочь, видишь, что делает твой брат?

– Не-а, – не отрываясь от рисунка, отозвалась Элли.

– Хочешь посмотреть? – почему-то шепотом спросил папа.

– Нет. Я хочу свой рисунок нарисовать сначала, – пожала плечами Элли.

– Понятное дело, – согласился папа, – а хочешь, не вставая и не двигаясь с места, увидеть, что там, на той стороне?

– Как это? – Элли оторвалась от своего рисунка и недоверчиво посмотрела на папу. – Зачем ты взял мамино зеркало?

– Сейчас узнаешь, – улыбнулся папа, – Мика, иди к нам сюда, покажу кое-что.

Тот нехотя встал и подошел к ним.

Папа обогнул стол и с той, противоположной, стороны под небольшим углом развернул зеркало.

– Ого! – сказали дети, увидев в нем замок из кубиков, который, казалось, парил в воздухе. Замок, который на самом деле стоял на полу.

Папа стал объяснять, что в природе тоже бывают такие чудеса, только там в роли зеркала – воздушные линзы. По поводу линз дети в тот момент ничего не поняли, но за бурным обсуждением увиденного помирились.

* * *

– Значит, ты про Фата Моргану? – подсказал папа.

– Наверное, – согласилась Элли, – а кто она такая?

– Волшебница. Она умела строить невероятной красоты замки, где били высокие фонтаны, росли удивительные деревья, – сказал папа. – Фата Моргана заманивала усталых путников, которые сворачивали с верного пути к роскошным дворцам, но через некоторое время видения вдруг исчезали!

– И что делали бедные путники? – спросил Мика.

– Кто-то погибал, не найдя дорогу домой, а кто-то все же ее находил, хотя дорога была долгой и трудной, – ответил папа. – Но это сказки, а сейчас приведем исторические, а затем научные факты.

Папа всегда так говорил: он работал инженером на заводе и к самым невероятным историям подводил реальные факты и доказательства. Если он не мог с точки зрения науки объяснить какую-то легенду или сказку, они ему были не интересны.

И папа рассказал о том, как в восемнадцатом веке моряки китобойного судна «Аврора», плавая в Атлантическом океа-

не, увидели острова, которые потом даже нанесли на географические карты, дав им имя того судна. Однако каково было удивление группы мореплавателей, которые отправились позднее в те края, но в указанном месте не смогли обнаружить эти новые земли!

– Что случилось, куда делись острова Авроры? – спросил Мика.

– В том-то и дело, что ничего, никуда они не делись! – ответил папа. – Их просто не существовало на самом деле, это был мираж. Подобные видения не раз доводилось наблюдать и в других точках земного шара. Например, на побережье Франции люди видели, как в Средиземном море на горизонте появляется большой остров и горы на нем, а потом вдруг исчезает в воздухе.

– Здорово увидеть такое, наверное, – протянула Элли, зевая.

– С точки зрения физики атмосфера подобна слоеному пирогу, у которого все слои имеют разную температуру, – продолжал объяснять папа, – сквозь них солнечные лучи проходят по-разному. Чем больше разница в температурах, тем извилистее путь лучей, а искривление происходит от более теплых слоев к тем, что холоднее.

– Я не очень понимаю, – вздохнул Мика.

– Ничего страшного, – сказал папа, – не так-то просто понять то, чего не видишь, а иной раз и невозможно! А что касается предмета нашего разговора, то еще есть такой мо-

мент: чем сложнее форма атмосферных слоев, тем причудливей мираж. А эти слои в потоках воздуха могут всячески перемещаться, накладывая изображение или его части друг на друга, создавая совершенно невероятные и удивительные картины. Ладно, сын, давай спать, а то твоя сестра давно уже нас не слышит. Спокойной ночи, Мика.

– Спокойной ночи, па.

Отец аккуратно закрыл за собой дверь, а Мика свесился с верхней полки и посмотрел на спящую сестру. Она улыбалась. Возможно, ей снились корабли, плывущие над землей к далеким зеленым островам, которых на самом деле не существует. Мика вернулся на свою подушку и не заметил, как провалился в сон, где он был капитаном и плыл на большом корабле. Над морем летала гигантская птица. Летала, летала, а потом опустилась на палубу, проковыляла к штурвалу, где стоял Мика, и спросила:

– Хочешь знать, как все было?

– Что все? Что было? – не понял Мика.

– Хочешь знать, что случилось вчера ночью? – спросила птица голосом Элли. – Только ты встань уже, а то как-то странно с тобой разговаривать, когда у тебя глаза закрыты.

Мика проснулся, и Элли вскочила со своей нижней кровати и сдернула с него одеяло. Это была игра: если не успеваешь удержать, бинго тому, у кого в руках одеяло! Лишишься его пять раз за неделю – моешь пол в комнате.

Мика недовольно поежился и спустился.

– Чего ты вскочила? Ты же вырубилась на середине папиного рассказа! – пробурчал он, поднимая одеяло.

Сестра схватила его за руку и шепнула:

– Да кошмары какие-то начались, вот и проснулась. Ну, знаешь, почему я упала ночью вчера? Один – ноль, если что!

– Не сильно стукнулась? – поинтересовался он, забирая одеяло. Все равно ей нельзя наверх, что бы она там ни рассказала.

– Вообще не сильно и не больно! Даже синяка нет! – похвасталась Элли и заняла выжидательную позицию: руки скрещены на груди, губы поджаты, глаза в потолок. Придется спросить, иначе она всю ночь так простоит.

– Ну и почему ты упала?

Она радостно выпалила:

– Ступеньки! Я шла, шла по ним, а они р-раз – и закончились. Вот я и упала!

– Понятно, – сказал Мика.

– Как это, понятно?! – возмутилась она.

– Откуда ступеньки, Элли? – вздохнул Мика.

– Ты думаешь, я вру? – сердито шепнула она.

– Ладно, – Мика сел рядом, – я верю, хоть и не вижу того, что видишь ты.

– Увидишь, – пообещала Элли, – когда-нибудь я смогу, придумаю, как показать!

Мика кивнул и полез наверх.

– Так что за ступеньки? – спросил он через минуту.

– Рассказать? – обрадовалась Элли. – Слушай! Когда вчера пришла ночь, все заснули, и даже выключились фонари, наступила тишина. Она была не очень долго, потому что вдруг зазвучала мелодия. Красивая-красивая. Колокольчики звенели, и какие-то птицы пели. И дудочки играли. Я услышала музыку и поднялась с кровати. Подошла к балкону, потому что оттуда свет... такой странный свет, не луны. Открыла дверь и увидела, как вверх идет длинная-предлинная лестница, конца у нее нет, а если есть, то он где-то очень-очень высоко, не разглядеть. Лестница прозрачная, в каждой ступеньке будто лампочка. Светящиеся ступеньки: красная, розовая, зеленая, желтая, сиреневая, оранжевая, голубая, синяя. Это от них была музыка!

Я сразу подумала, что мне надо туда, наверх, идти! Принесла табуретку с кухни, поставила к перилам. Тихо-тихо, чтоб не разбудить никого! Залезла и встала на ступеньку, а перил нет. Знаешь, как страшно! И я иду, иду, иду... Главное вниз не смотреть, а то испугаешься и упадешь. Поднимаешься высоко, все такое маленькое становится, игрушечное будто. Я поднялась на высоту вон того тополя. И тут началось облако. То есть ступеньки в облака ушли. Ничего не видно стало, и я не знала, что делать. А дудочка громче заиграла, будто позвала. Так жалобно, что я перестала бояться и пошла дальше, нащупывала пальцами ступеньки и шла. Потихонечку. Представляешь, как это – идти и под ногами видеть только облако. Эй, ты не уснул еще?

– Нет. И какое оно – облако? – спросил Мика.

– Белое, конечно, – отозвалась Элли, – а от огоньков ступенек – разноцветное, как радуга.

– А ты его трогала? Какое оно?

– Пушистое. Оно трогало меня за ноги, когда я шла, – сказала Элли, – оно похоже на мой свитер. Немножко колючее и прохладное, как свитер, когда он сушится на балконе. И вот знаешь, ступеньки сначала немного теплые были, а потом в облаках стали холоднее, ноги замерзли даже. Мерзла и шла... Наверное, два часа. А может, три. Лесенка вдруг кончилась, и я встала на что-то мягкое, но не провалилась. Облака расступились, и там было огромное поле с пушистой белой травой и серебряными цветами. И далеко-далеко были башни, целый город с башнями. Я пошла туда и еще примерно через час оказалась у высокой стены с закрытыми воротами.

– Из чего была стена? Из камня? Или деревянная? – уточнил Мика.

– Как лестница, – Элли зевнула, – но не такая прозрачная, а будто внутри залитая белым.

– Как стекло? – подсказал Мика.

– Да, только очень крепкое, – согласилась она.

– Откуда ты знаешь? – усомнился он.

– Стали бы такую стену вокруг целого города делать, если не крепкое? – заметила она. – А если враги или ураган?

– М-м, – протянул Мика, – тебе кто-то открыл ворота?

Или ты обратно пошла? А ворота из чего?

– Ворота такие же, как стены, – пробормотала Элли, – конечно, я дальше пошла...

И она замолчала. Мика ждал, пока она продолжит свой рассказ, но не дождался – сестра уже крепко спала.

Все утро Мика внимательно наблюдал за Элли: придумала ли она вчерашнее? Или она папиных рассказов наслушалась, и они ей приснились? Он слышал от кого-то, что, если хочешь проверить, обманули тебя или нет, нужно пристально смотреть человеку прямо в глаза, и, если он отвернется, значит, точно наврал. Во время завтрака Элли была очень занята кашей, вернее тем, как бы ее не есть. Она ковыряла сероватую овсянку ложкой, размазывала ее по краям тарелки, копала, чтобы увидеть медвежонка, нарисованного на дне.

– Тебя покормить? – строго спросила мама.

Элли вздохнула, ковырнула микропорцию каши и с видом мученицы отправила себе в рот.

* * *

Ела она плохо. Ненавидела лук во всех его проявлениях, из каш любила только гречневую. В садике ее оставляли сидеть над тарелкой, пока она не съест хотя бы половину, а все дети шли на тихий час. Над Элли висела пышногрудая нянечка, в то время как воспитательница укладывала детей спать. В противный суп с большими кусками лука капали

слезы, и Элли наблюдала, как расходятся круги. Потом нянечке надоедало, и она уходила мыть посуду, воспитательница отлучалась в туалет, или ей кто-то звонил, или она просто выходила, чтобы не смотреть на несчастную Элли, и Мика бежал на помощь. Он ел все, даже холодный соленый суп – давясь, вливал в себя хотя бы половину и убегал в кровать. Элли залпом выпивала компот, закусывая кусочком хлеба, брала стакан, тарелку и несла нянечке. К тому моменту все дети уже спали или делали вид, что спят. Элли ложилась в свою кровать и шепталась с медведем, которого повсюду таскала с собой. Пока Элли не засыпала, воспитательница чутко прислушивалась и не двигалась с места. Она просто как-то вышла из группы в сон-час на минуточку поговорить по телефону, а когда вернулась, дети кидались подушками, а Элли скакала по кроватям с криками: «Ура! Промазали!» От этой девчонки добра не жди – стоит отвлечься, и она всех вокруг на уши поставит. В четыре года Элина Яновская так вдохновенно изображала пианистку, сидя за детским столом, что дети в недоумении подошли к воспитательнице.

– Клавдия Яковлевна, а что это? – спросили они хором, показывая на вдруг ставшую им незнакомой мебель.

– В смысле, что? – пожалала плечами воспитательница. – Стол!

– А Эля говорит, что пианино, – выдохнули дети с облегчением.

Когда Элли было пять, она подговорила Мику и его дру-

га Колю уйти из сада домой. Вообще она давно хотела сбежать и обдумывала эту мысль постоянно. Особенно темными зимними утрами, когда по носу бил морозный воздух и валенки со скрипом топали по тускло мерцающей дороге. Элли шла и представляла противные пенки кипяченого молока, кусок вонючей рыбы, брошенный в середину тарелки с липким рисом, и ее подташнивало. Мике нравился детский сад. Он манил запахом свежих булочек, какао, сладкой молочной каши и творожной запеканки. Но у Элли эти запахи восторга не вызывали.

Был яркий солнечный зимний день. У забора дети в разноцветных комбинезонах ковыряли лопатками в сугробах возле заметных кустов, катались с горки, ваяли снеговика. Когда прогулка закончилась, они под предводительством воспитательницы столпились у двери в группу и отряхивали сапоги и валенки, пыхтели, старались. Элли, Мика и его друг Коля стояли в этой очереди на осмотр чистоты обуви последними. Воспитательница вдруг рванулась в коридор за кем-то, кто плохо отряхнулся, и Элли осознала, что они остались на крыльце втроем. Все остальные были уже внутри. Элли шепнула: «Бежим!» И они побежали.

Конечно, сложно назвать бегом то, что делали эти трое в комбинезонах-мешках и шапках-шлемах, скорее, они передвигались, как космонавты по Луне, но им казалось, что они неслись на бешеной скорости, падая, вскакивая, не прекращая движение к калитке, которая по какой-то невероят-

ной случайности была открыта. Трое захлебывались свободой, воздух звенел, словно зимние эльфы включили в нем победную песню.

Выскочив за калитку, троица побежала куда глаза глядят, вернее, куда вела Элли. Она хотела домой, прочь из ненавистного садика, Мике просто было весело поддержать сестру в ее затее, а Коле было все равно, что делать, лишь бы с другом.

Их поймали – запыхавшаяся красная воспитательница и охранник – на светофоре. Полдня троица провела в углу, точнее, в углах. Мика стоял и думал, что они скажут родителям. Он уже решил, что возьмет вину на себя или свалит на Колю. Нет, не свалит, нехорошо. На себя возьмет. Наверное, его накажут. Мика поглядывал то на друга, то на сестру. Коля тихонько плакал, на Элли смотреть было интереснее. Она сначала отскребывала краску со стены, потом сняла сандалию, за ней носок, из которого принялась выдергивать нитки. Присела на корточки и затихла.

– Что ты там делаешь? – наконец спросил Мика.

– Плету, – не сразу отозвалась Элли, – защитную веревочку.

– От кого? – хихикнул Мика.

– От монстров, конечно. Знаешь, сколько монстров вокруг? Особенно невидимых, – объяснила сестра и показала ему косичку-браслетик. – Завяжу тебе, когда домой пойдем. И даже не смей говорить, что это ты придумал сбежать се-

годня!

Она всегда вела себя так, словно была старше его, Мики.

* * *

После ужина пришла мама, выслушала истеричные причитания воспитательницы и только открыла рот, чтобы ответить, как за Колей явился хмурый отец, и воспитательница закольцевала рассказ. После повторного прослушивания детей позвали из углов и велели одеваться.

Мама молча помогла натянуть одежду, взяла детей за руки, и они пошли, как обычно, домой. Только не разговаривали, как всегда, по дороге и не заглянули в магазин за чем-нибудь к чаю.

– Дети, вам плохо в садике? – прервала молчание мама, когда они пришли домой и разделись.

– Нам в садике хорошо, – затараторила Элли, – даже очень хорошо, нас кормят, воспитательница красивая, у нас с Микой много друзей.

Мика хмыкнул. Друзей у них не было, все сторонились сестры и его заодно, только вечно сопливый Коля с ними играл. Чего уж говорить о том, как Элли ест и насколько красива и добра старая толстая воспитка.

– Тогда почему вы решили сбежать? – прищурилась мама, не дожидаясь ответа сына по поводу того, как хорошо им в садике.

– Это я решил, она ни при чем, – заявил Мика и вскрикнул – сестра больно ущипнула его за бок.

– Он врет, потому что хочет меня защитить, – пояснила она.

– И зачем же? – спросила мама.

– Потому что он мой защитник, – невозмутимо ответила Элли, – вообще-то воспитательница обзывается и бьет нас.

Мика закашлялся.

– Как это?! – ужаснулась мама. – Когда она вас била и обзывала? Какие слова она вам говорила?

– Вот так! – воскликнула Элли. – Она обзывала меня размазней и паразиткой, а Мику идиотом. И еще вчера она дала мне подзатыльник, когда я не захотела есть картофельную запеканку, потому что там был противный лук.

Мика поежился. Половина из этого была правдой. Про обзывательства. И про лук в запеканке. Он точно знал, что половина, поскольку подзатыльника-то не было. Но у Элли так горели глаза, что он вдруг чуть ли не вспомнил этот подзатыльник.

Мама была белая, в глазах ее плясали злые искорки:

– Я... вашу воспитательницу...

– Не-не-не-не-не! – схватила ее за руки Элли, не дав закончить мысль, затараторила: – Мамулечка! Мне не больно вообще было, она, может, погладить меня хотела!

– Элина, погладить или подзатыльник?! – мама называла Элли полным именем, только если сердилась на нее. – Это

разные вещи, понимаешь? Очень разные! Послушай, ты так часто выдумываешь, что я скоро перестану тебе верить!

Глаза янтарно-медового цвета наполнились слезами, губы задрожали. Когда Элли плакала, Мике хотелось плакать тоже.

– Стоп рыдать, вы оба! В угол. В разные углы. Элли, не в тот, где пылесос, а в тот, который напротив! Туда пусть Мика идет. До прихода отца чтоб я вас не видела и не слышала.

Элли вздохнула и переглянулась с братом. Снова в угол. Можно подумать, угол – это решение всех проблем и лучшее воспитательное средство. Если бы углом можно было что-то изменить, как прекрасен был бы мир!

Минут через десять пришел папа, наказание закончилось, и мама рассказывала папе за вечерним чаем о том, что учудили дети. Мика тихо, чтоб родители не слышали, спросил:

– А от чего твоя веревочка?

– Я тебе уже говорила. От всяких монстров. Очень много чудищ вокруг – плохих, между прочим. Мне-то не надо защиту, у меня все в порядке. А у тебя нет. Тебе надо. Носи.

* * *

Мика потрогал веревочку на левом запястье. Та, первая, давно порвалась. Вторая потерялась. Эта, третья, по словам сестры, была суперкрепкая и надолго. Так что насчет ночной истории? Врет или нет? Элли подняла глаза на Мику. И дол-

го-долго не отводила взгляд.

– Что ты пялишься на меня? – наконец спросила она.

– Ты не дорассказала про Город на облаках, – понизил голос Мика.

– Сейчас не буду рассказывать. И вообще не буду, ты все равно мне не веришь, – ответила Элли, доедая свою кашу и продолжая смотреть ему в глаза, – в школу пошли. И хватит пялиться.

Половину пути Элли молчала. Потом губы ее стали шевелиться, и Мика расслышал в бормотании:

– Бьет на часах... бьет... двенадцать, пятьсот, нет, двести... нет, триста шагов... надо спешить... буду спешить... нет, буду я подниматься... в Город Снегов!

Бормотание явно было связано с ночной историей. Мика начал сердиться:

– Что? Что за Город Снегов?!

– Город. На облаках. Не твое дело, так-то, – отмахнулась Элли.

– Да ну тебя! – разозлился Мика, побежал вперед и, не оглядываясь, крикнул: – Иди одна!

– И пойду, – пожала плечами Элли.

Все равно сидеть вместе. Никуда не денется.

Зайдя в класс, Элли удивилась: Мика устроился за последней партой. Один. Она хмыкнула. Как долго он будет дуться? Весь день Мика не обращал на Элли никакого внимания, не смотрел в ее сторону. На требование учительни-

цы пересесть отказался, за что получил запись в дневнике. Когда сестра подошла к нему и предложила поговорить, он демонстративно отвернулся и уткнулся в учебник.

Домой они возвращались по разным сторонам дороги, и Мика пинал листья, а Элли мечтательно разглядывала облака, при этом ни разу не споткнулась. А потом Мика на секунду потерял ее из виду (он все же краем глаза смотрел, как она идет, а тут задумался), и она исчезла. Мика перебежал дорогу, осмотрел все деревья в радиусе ста метров, заглянул в подъезды ближайших домов. Ее нигде не было. Испарилась!

Ключ у них был один на двоих, и носила его Элли. Мика взвыл. Он что, теперь, должен ждать у дома, пока ее высочество не появится?! В надежде, что Элли обогнала его и уже спокойно сидит в квартире, Мика рванул к дому, позвонил в домофон. Никто не ответил. Следующие десять минут Мика злился, бесконечно звоня в домофон. Ему казалось, Элли над ним издевается. Потом забеспокоился: а вдруг с ней что-то случилось? Прошло еще полчаса, а сестра все не шла. Было прохладно, подмерзшие лужицы хрустели под ботинками. Мика ходил взад-вперед, засунув руки в карманы куртки, сидел на скамейке, гонял воробьев. Наконец, дверь открылась, вышла соседка с малышом на прогулку, и Мика прошмыгнул в подъезд, взлетел на пятый этаж, с силой нажал кнопку, и там, в гулкой тишине трезвонило, трезвонило, трезвонило... Никто не открыл. Холодок разлился в области

сердца: где она? что с ней? А вдруг ее сбила машина или она провалилась в открытый колодец?! Нет, нет. Мика замотал головой, отгоняя ужасные мысли. Медленно-медленно спустился на пролет, встал у окна, прижался лбом к стеклу. И увидел, как по дороге через двор идет Элли. Он сразу не понял, что было не так, она выглядела так же, как и час назад: красные сапожки, синие колготы, светло-коричневое пальто и кружевная беретка в цвет обуви.

Не так было вот что: за Элли шел незнакомец.

Это был мужчина небольшого роста, коренастый, в темно-серой куртке и черной кепке. Элли повернулась, что-то сказала ему и пошла дальше. Мужчина покачал головой и продолжил идти за ней. Мика дернул окно: открыть и крикнуть, чтоб странный мужик убирался! Окно заело. Мика залез на подоконник и высунулся в форточку. В этот момент Элли поравнялась с качелями, на которых сидела соседка с малышом. Мика услышал, как она громко спросила:

– Элиночка, что за человек с тобой?

Мужчина заозирался, замялся на месте и пошел на лавочку подальше от качелей, кивком подзывая Элли к себе.

Та пожала плечами, замотала отрицательно головой и побежала к подъезду. Мужчина отошел к дальней лавочке и присел, словно был уверен, что девочка вернется. Мике стало нехорошо, внутри росла злость. Дверь хлопнула, послышались торопливые шаги, и он ринулся вниз. Он так мчался, что чуть не сбил поднимающуюся Элли, она успела от-

скочить, а он грохнулся на ступеньку и потерял от удара сознание.

Через секунду он очнулся, в голове все плыло.

– Встать можешь? – спросила Элли. Глаза у нее блестели. – Ты меня напугал!

– Это я тебя напугал?! – возмутился Мика. – Где ты была так долго и что это за человек с тобой шел?

– Пойдем скорее, – поморщилась Элли и помогла брату встать.

Голова у него гудела и кружилась. Каждый шаг отзывался тупой болью в саднящем подбородке, которым Мика проехался по полу, прежде чем вырубиться. Потихоньку они дошли до двери квартиры, Мика прислонился к стене, пока Элли искала ключи в сумке. Руки у нее тряслись, она с трудом попала в замочную скважину, повернула ключ на два оборота и толкнула дверь. Они вошли в квартиру, Элли судорожно закрыла внутренний замок и села на тумбочку в прихожей. Мика снял обувь и как был, в курточке и кепке, добрел до дивана в гостиной, лег. В голове шумело, плыло, заволакивало туманом. Сквозь пелену Мика услышал:

– Как думаешь, он... еще там?

– Кто? – простонал Мика.

Элли стояла у окна, не решаясь отодвинуть штору. Наконец, решилась посмотрела. И тут же отскочила.

– Он все еще сидит! – вскрикнула она и заплакала.

– Кто он? Он обидел тебя? – одними губами спросил Ми-

ка.

– Нет... не обидел, и... не знаю я его, – всхлипнула Элли. – Ты пока не смотрел, я на соседнюю улицу свернула, за угол. Шла-шла и увидела перышко. Белое такое, неизвестно чье, с серебристым стерженьком. Хотя, кажется, я где-то встречала похожие перья.

– Не рассказывай, пожалуйста, про незнакомых птиц, – Мика закрыл глаза. К волшебным персонажам он сейчас был не готов.

– Ладно, – ничуть не обиделась Элли, – в общем, я перышко стала подбрасывать, и оно кружилось и падало очень красиво. Сверкало, переливалось на солнце. И тут этот дядька откуда-то взялся. И такую глупость сказал, что надо перышко к картофелине приделать и с балкона пустить, тогда вообще здорово будет падать. Спросил, на работе ли мама с папой. Я сказала, что дома никого нет. И он сразу очень захотел пойти со мной и пустить вместе перо с балкона. Конфеты предлагал. Я не взяла. Пошла от него. А он за мной. Я перешла на другую сторону, и он тоже. Зашла в магазин, и он туда. Специально там разглядывала все долго очень, думала, ему надоест, и он уйдет. А он стоял и ждал. Потом я через парк пошла – сам знаешь, это сильно в обход. Побежала. А он за мной быстрым шагом. Я устала и замучилась совсем. И домой пошла очень-очень медленно. Он тоже медленно за мной. Дальше ты видел.

Элли закусила губу. Пальцы ее побелели: она судорожно

сжимала кулаки.

– Ты ему о чем-то говорила там, во дворе, – вспомнил Мика.

– Сказала, что у меня брат дома, – кивнула Элли, – и что мама скоро придет. Через час. Но раз он там все еще сидит, значит, или не поверил, или как?

– Пусть сидит, он же не знает, где мы живем, да и что он сделает, – простонал Мика.

Его мутило. Он сполз с дивана. Встал и пошел к туалету, шатаясь. Тошнота подкатила к горлу, он еле успел нагнуться над унитазом.

– Я маме звоню! – закричала Элли.

* * *

Через полчаса мама забежала в квартиру. Взглянула на Мику и вызвала скорую. Врач осмотрел его, спросил про потерю сознания, рвоту и велел ехать в больницу. Мама охнула и забегала по квартире, собирая сумку. Элли редела, но ее оставили дома. Когда мама с Микой уехали, Элли выглянула в окно: мужчина все еще сидел на лавке и ждал. Только бы он не узнал, где она живет! А вдруг он увидел ее в окне?! И придет сейчас! Что ему нужно?

Элли стащила с кровати медведя, пошла в гостиную и забила в угол. Стемнело, но она боялась пошевелиться и сидела, уткнувшись в плюшевый мех, пока не услышала скре-

жет замка.

Сначала она обрадовалась, но в следующую секунду в голову пришла ужасная мысль, что, возможно, тот странный мужчина раздобыл где-то ключ от их двери и пытается ее открыть. Элли спряталась с медведем за диваном и задрожала. Было темно.

В коридоре зажегся свет.

– Дома кто есть? – раздался родной веселый голос.

Элли выползла из своего укрытия, вскочила, бросила медведя и кинулась к отцу. Он подхватил ее, как пушинку, обнял. Руки его были крепкими, надежными, и Элли сразу же успокоилась.

* * *

Мама вернулась через несколько часов. Сообщила, что у Мики сотрясение мозга и лежать ему в больнице не меньше недели.

– Это все из-за меня, – опустила глаза Элли.

И стала рассказывать про странного мужчину, как тетя Катя из второго подъезда спугнула его, и про то, как брат упал на лестнице, когда бежал к ней навстречу. Мама стала белая, как потолок. Папа внимательно слушал и, когда Элли замолчала, принес блокнот, стал уточнять детали насчет мужчины, записывая все, что говорила дочь:

– Как думаешь, Элли, он старше меня или нет?

– Старше, наверное. Он вообще старый какой-то, хотя по голосу молодой.

– Он был лысый?

– Не знаю, он был в кепке. В черной.

– А рост какой? Выше меня? Ниже?

– Ниже. Намного. Ты-то вон какой высокий!

– В чем он был? В какой одежде?

– Куртка темная, серая такая, как асфальт. И грязная буд-то.

Мама встала и медленно вышла из кухни.

Папа продолжал спрашивать:

– А глаза какие? И что-то особенное, может быть, запомнила? Шрам или родинка?

– У него нос кривой, будто сломанный. А глаза как бутылка от минералки. Такие прозрачные, противные.

Вернулась мама с газетой.

– Смотри, – мама ткнула пальцем в картинку, будто карандашом нарисованную, – похож на того мужчину?

Элли вгляделась, отпрянула и вжалась в стул:

– Похож, а почему он в газете?

Страх был липкий, от него вспотели ладони и заныли виски. В них застучало – бум-бум-бум – так громко, что Элли зажмурилась от грохота.

Мама с папой переглянулись. Губы у мамы дрожали, и она не могла вымолвить ни слова.

– Он вор, – как-то слишком спокойно ответил папа, –

проникает в квартиры с помощью маленьких и доверчивых детей, крадет деньги и ценные вещи. Надо будет соседку расспросить, и чтобы она с нами пошла. Надо ехать. Сообщить... куда следует... чтобы Элли все рассказала...

– Милый, не надо ее никуда водить, тем более сейчас, – тихо сказала мама и обняла дочь, – ты же видишь, в каком она состоянии. Сегодня был тяжелый день, но он уже заканчивается. Завтра все будет хорошо.

– Ты права. С утра я сам съезжу и передам... информацию. Вдруг это поискам и следствию поможет. Вдруг... спасет кого-то. Элли повезло, слава богу. Иди умывайся, малыш. Спать пора.

Элли долго ворочалась в своей нижней кровати. Потом залезла наверх, зарылась лицом в подушку, где был такой родной запах, и заплакала. Уснула в слезах, сжимая в ладони белое перышко.

* * *

Мике долго не спалось. Он прокручивал события дня, и мысли его останавливались на том моменте, когда он увидел Элли во дворе дома с незнакомцем. После этого мозг начал показывать варианты развития событий, которые приводили Мику в ужас. Представлялось, что Элли связана по рукам и ногам, с кляпом во рту, в какой-то темной комнате, или будто она висит на цепях вся в крови, или вдруг лежит

в полиэтиленовом черном мешке в яме, бьется и не может выбраться...

Мика вскрикивал и мотал головой, чтобы отогнать жуткие видения, а доброе сознание подкидывало еще и еще. Он стонал и сжимался в калачик. Голова раскалывалась. Мальчишка-сосед не выдержал и побежал к медсестре. Мике вкололи успокоительное, и тяжелый темный сон навалился на него, выключая страшные картинки.

* * *

На следующий день мама взяла отгул, забрала Элли после уроков из школы, и они отправились к Мике.

– Долго идти? – спросила Элли.

– На Дунькин Пуп, – ответила мама, – не больше получаса. Нам с тобой нужно поговорить про вчерашнее.

Рука Элли дернулась в маминой руке.

– Элли, пожалуйста, прошу тебя не разговаривать с незнакомыми людьми и не ходить с ними никуда, – мама прижала дочь к себе.

Плечи Элли затряслись.

– Девочка моя, все хорошо, все обошлось.

Мама гладила Элли по волосам, и та рыдала, всхлипывая и бормоча:

– Я не разговаривала с ним, он сам! Сам! Хотела уйти, шла от него. А он за мной.

– Все хорошо, малыш, давай вытрем слезы, – мама присела рядом, достала платок. – Вот, высморкайся, и порядок. Молодец. Пойдем к Мике.

– А нас к нему пустят? А он один лежит в большой палате или с кем-нибудь подружился? А что за Дунькин Пуп? – затараторила Элли, словно и не рыдала только что.

– Тебе на какой вопрос отвечать? – улыбнулась мама. – Прямо растерялась я.

– На все!

– Конечно, пустят, только ненадолго. Он лежит с другими детьми в палате, их там шесть человек. Не знаю насчет «подружился», сама спросишь. Дунькин Пуп – так холм называется, больница там находится.

– Ничего себе холм! Целый пуп какой-то Дуньки! – развеселилась Элли.

– Да, говорят, жила там одна великанша Дуня триста лет назад, – с серьезным видом сообщила мама, – была такая толстая и большая, а спала прямо под открытым небом. Когда шел дождь, в ее пуп наливался целый пруд.

– Ничего себе пуп! – восхитилась Элли. – И что с ней стало, с этой Дуней?

– Посватался к ней один симпатичный великан, а она, нет чтоб сразу согласиться, послала его за неведомо чем неведомо куда, – ответила мама.

– Это зачем и куда? – удивилась Элли.

– Хотелось Дуне кольцо, в котором волшебная сила за-

кована, чтобы всеми ветрами повелевать. Настоящая девочка, сама не знала, чего пожелала, – усмехнулась мама, – где ж взять то, чего не существует? Ушел великан на поиски и не вернулся, пропал. Может, до сих пор кольцо это ищет. А Дуня так загрустила, что от грусти-тоски взяла да и окаменела.

– На том месте, где Мика лежит? – охнула Элли. – Ну в смысле, где больница стоит?

– Ага, вот он, Дунькин Пуп, пришли, смотри, – мама показала на холм, – по лестнице подняться, и мы на месте.

Элли разочарованно вздохнула. Она ожидала увидеть большую каменную женщину, а это был просто небольшой холм с редкой жухлой травой. Наверху ютилось трехэтажное здание.

– Скорее к Мике! – воскликнула Элли и запрыгала вверх по ступенькам, напевая:

Громко пробьет двенадцать,

Триста шагов

Будем мы подниматься

В Город Снегов.

– Что за Город Снегов? – спросила мама через пять минут, подходя к крыльцу, где ждала Элли. – Ты такая быстрая, не угнаться!

– Скорее к Мике! – нетерпеливо повторила Элли, открывая дверь. – А Город Снегов – это просто стихи.

Охранник сказал, что отделение неврологии на втором этаже, и, выдав бахилы, пропустил их. Они поднялись и прошли к Мике в палату. Он сидел, облокотившись на спинку кровати, и скучал: читать нельзя, телевизор смотреть нельзя. Он был один: мальчишки-соседи ушли на процедуры.

Мама поцеловала его и ушла поговорить с лечащим врачом и помыть фрукты, купленные по дороге. Элли села к Мике на край кровати.

– Как ты себя чувствуешь? Голова болит? Тошнит? – спросила она с тревогой.

– Да все нормально, мне тут таблетки дают, капельницу ставят, – Мика пожал плечами, – не болит ничего, не тошнит... Нельзя ничего...

– Скоро отпустят? Без тебя очень грустно, – вздохнула Элли.

– Врач сказал лежать неделю. Потом анализы какие-то, обследования, и если все в порядке, то отпустят, – ответил Мика, – но потом еще месяц нельзя сильно бегать, прыгать, на физкультуру ходить. Кошмар, в общем.

– Кошмар, – повторила Элли и, подумав, добавила, – ну и что, будем в спокойные игры играть: шахматы, бродилки всякие.

Они помолчали. Мика дернул веревочку на запястье и

усмехнулся:

– Говорила, тебе не нужен защитный браслет от монстров, а на самом деле нужен. Хотя разве может веревочка что-то сделать?

– Ты о чем? – Элли сделала вид, что не понимает.

– О дядьке, который за тобой шел. Он точно монстр, – понизил голос Мика.

– Мы же спаслись, – тихо сказала Элли, – он ушел. Все хорошо.

– А вдруг опять придет? – Мика снял веревочку и натянул на запястье Элли. – Тебе нужнее сейчас. Раз ты в эти штуки веришь.

Она не сопротивлялась. Несколько секунд она сидела, застыв, словно какая-то догадка ошеломила ее.

– Знаешь, кто это был? – наконец выдала она. – Колдун, который хочет захватить Город Снегов!

– Очень смешно, – мрачно ответил Мика.

– Вообще не смешно, – возразила Элли, – колдун, точно тебе говорю! Я только что поняла! Вспомнила, где я его видела раньше. Он так-то муж феи Морганы, но она его прогнала, потому что он злой и нехороший. Теперь он хочет ее убить, чтобы быть королем всего неба.

– Круто, – вздохнул Мика, – отличная история. А ты ему зачем, если он колдун?

– Я очень похожа на его дочку Лазурину, которая с мамой Морганой в Городе Снегов живет. Только у меня волосы ко-

ричневые, а у нее белые и глаза голубые. Прямо как у тебя. Лазурина на небе, поэтому имя такое... стихи еще есть: «Чиста небесная лазурь, теплей и ярче солнце стало», – пояснила Элли и, увидев очередной вопрос в глазах брата, продолжила: – Вот как колдун на земле очутился, не знаю, но он точно меня с ней перепутал! И он хотел, наверное, поймать меня, то есть дочку. И спрятать, чтобы Моргана сама ему Город отдала, лишь бы он меня, то есть дочку, отпустил.

– Как ты это делаешь? – рассердился Мика.

– Что? – не поняла Элли.

– Заставляешь меня слушать, а потом верить? – Мика зло выдернул одеяло из-под сестры, и та упала с кровати.

– Не заставляю я тебя ничего делать! – крикнула Элли, вскакивая с пола. – Ты псих вообще! Ни с того ни с сего орешь и бесишься.

– Может, я и псих, а ты вообще куку! Знаешь, где такие, как ты, лежат? В соседней больнице, тут рядом! – прошипел Мика. И добавил: – Зареву еще, ты же всегда реवेशь, когда не по-твоему.

– Эх ты, – тихо ответила Элли, – а я тебе еще подарок принесла...

Она достала из кармана кофты перышко, вложила в руку брата. Он сжал ладонь, и маленький подарок хрустнул. Элли вздрогнула и отошла к дверям, в которых в этот момент появилась мама, неся тарелку с грушами и яблоками.

– Ну что, сын, врач сказал, ты до пятницы полежишь, и

должны выписать, – сообщила она, поставив фрукты на тумбочку.

Элли срочно понадобилось в туалет, и она вышла. Мама поговорила с Микой, рассказала все новости. Элли все не возвращалась.

– Поссорились? – догадалась мама.

– Ну, так, – с деланным равнодушием отозвался Мика, – нет, вообще-то. Я с ней не ссорился.

– Ладно, малыш, мы пойдем, ты отдыхай, фрукты ешь, – улыбнулась мама, – завтра навестим тебя вечером. Принести что-нибудь?

– Можно блинчиков? – оживился Мика.

– Конечно, милый. Напечем.

Мама обняла его, погладила по голове, поцеловала на прощанье в обе щеки и пошла искать Элли.

Та ждала ее у выхода из отделения.

– Мама, почему Мика лежит в неврологии, он нервный, что ли? – ткнула Элли в табличку над дверью.

– Прочитай еще раз по буквам, – предложила мама, – тут немного не так написано.

Элли зашевелила губами, проговаривая слово по буквам про себя.

– А-а-а-а, – протянула она и озадачилась еще больше, – а что такое «неВрология»?

– Вообще, ты по смыслу в первый раз прочла верно, – обняла ее мама, – это такое направление медицинское, которое

лечит нервную систему.

– Значит, Мика нервный? – повторила Элли. – Он из-за этого тут лежит, а не потому, что головой стукнулся?

– Вот потому, что головой стукнулся, и лежит, – вздохнула мама, – неврология занимается головными болями и прочими вещами. И сотрясения мозга лечит.

Элли этот ответ вполне устроил, она взяла маму за руку, и они пошли домой. Оглянувшись, Элли увидела, как Мика стоит у окна и смотрит им вслед. Она отвернулась, словно не заметила его.

* * *

– Я к нему не пойду, – заявила Элли, наблюдая, как мама чистит картошку.

– Ладно, – согласилась мама, – а блины поможешь настрепать?

– Для него? – насупилась Элли.

– И для него, и для нас всех, – мама поставила перед ней кастрюлю с молоком.

Элли разбила туда два яйца и стала болтать венчиком.

– Потихе, а то расплещешь тесто по столу, и на блины не останется, – улыбнулась мама и как бы невзначай спросила: – А чего ты сердисься на брата?

– Он мне не верит, – пробурчала Элли, – хотя я ему всегда только правду говорю! И еще орет и психует.

– Ясно-понятно, – не стала углубляться в подробности мама, – разберетесь, значит, сами. Давай кастрюлю. Молодец, хорошо получилось, с пеной. Пышные будут блинчики, как Мика любит.

– С дырками они будут, – пробубнила Элли. – Можно я уроки пойду делать?

– Надо же, ты у меня спрашиваешь разрешения уроки делать? – всплеснула руками мама. – Иди, конечно, радость моя.

Элли забралась на Микину кровать с тетрадками и учебниками.

Уроки она сделала быстро, поэтому через полчаса, освободившись, достала с книжной полки «Урфина Джюса». Этот мрачный, угрюмый столяр был коварный и злой, как колдун из Города Снегов. Он так же хотел захватить власть везде и всюду, точь-в-точь! Элли подумала, что, возможно, его могли бы даже звать так же, Урфином. Хотя вряд ли. У него, наверное, какое-нибудь совсем странное имя. Например, Хорбор. Или Брадбек. Или Грумльдум. Придумать имя колдуну было несложно. Сложно было справляться с грустью. Как там Мика?

Его выпишут, он придет домой, и они обязательно сразу же помирятся, рассуждала Элли. Может, не сразу-сразу, конечно, сначала она еще немного пообижается, а потом расскажет ему все про Город Снегов, и он ей поверит. Как не поверить, если она нашла перо серебряного стрижа? Как не

поверить, если за ней, Элли, охотился колдун?

Мика ждет, что она придет к нему вместе с мамой, но она не собирается. Пусть сначала подумает над своим поведением! Пусть поскучает по ней и поймет, что был неправ. Пусть просит прощения, в конце концов!

И тогда она простит его. У него же не все в порядке с головой. И с нервами. Не зря же он в этой «НеРвологии» лечится!

* * *

Мика в это время лежал под капельницей и не собирался думать над своим поведением. Он скучал и хотел домой. Он считал, именно Элли виновата в том, что он валяется тут. Если бы не ее дурацкие сказки, она шла бы с ним тогда из школы, и тот дядька не посмел бы пристать к ним двоим. Он вообще бы им не встретился. Мика не рванул бы к ней на помощь по лестнице и не упал бы. Конечно, что было, то было. Просто у Элли удивительная способность попадать в разные истории, а он, Мика, страдает. Почему ей спокойно не живется?

От капельницы руку тянуло, Мика немного сдвинулся, и что-то кольнуло его в бок. Стараясь не задевать катетер, другой рукой Мика аккуратно достал колючку. Это было сломанное белое маленькое перышко.

Видно, что с крыла, маховое.

По форме и размеру оно было похоже на перо стрижики, который летом жил на их балконе.

Когда заехали в новую квартиру, в первый день, гуляя во дворе, они с Элли нашли стрижа со сломанным крылом и принесли домой. Мама посадила его в коробку и стала звонить знакомому врачу, а стрижики молча бился о стенки.

– Палки от мороженого, быстро! – скомандовала мама. Закончив разговор, она достала зеленку, бинт.

У Элли этого добра было хоть отбавляй. Ей почему-то вечно жалко выбрасывать плоские деревяшечки от мороженого и разноцветные фантики от шоколадок и конфет, поэтому они валяются в ее рюкзаке до тех пор, пока мама не выгребет, чтоб выкинуть тайком.

– Вот видишь, мамочка, не зря я палки собираю! – Элли высыпала на пол содержимое рюкзака.

– Нам нужно две, вымой их хорошо с мылом и посуши феном, остальную красоту собери и выброси, – ответила мама.

Пока Элли сушила палки, мама обработала руки, надела перчатки, взяла стрижики и пошла с ним в ванную. Мика побежал следом и помогал держать, а мама аккуратно разогнула птице крыло. С внутренней стороны оно все было в крови.

– Кошка цапнула, видимо, – сказала мама, промывая рану. – Элли, зеленку!

Стрижики верещал от боли и страха, дергался. Мика и Элли дули на рану, чтобы зеленка скорее высохла. Палки отломили по нужному размеру, чтобы сделать шину на сло-

манную косточку. Элли фиксировала, мама бинтовала. Наконец, операция успешно завершилась. В коробку положили мягкую пеленку, на нее другую, свернутую гнездышком. Стрижик трепыхнулся в новом домике, повозился лапками немного и уснул.

– Его надо кормить чем-то, – озадачилась мама.

– Я знаю чем! – воскликнул Мика. – Червяками!

– Стрижи насекомых на лету едят, – возразила мама, – надо мух. Червяков если только мелких.

Крыло заживало около месяца, и ежедневно в течение первой недели рана обрабатывалась и снова забинтовывалась. Дети ловили мух, залезали на черемуху под окном, болеющую тлей, собирали в коробочку мелких личинок.

После того лета черемуха излечилась.

В конце августа стриж потихоньку начал снова летать. Мама брала его на руки и подбрасывала. Он летел до черемухи и обратно, потом до соседнего дома, с каждым разом все дальше и выше, радостно крича: «Стр-р-ри-и-и-и, ви-и-и-и-и-и-и-и-и-и». Ночевал по-прежнему в коробке, и дети, перед тем как лечь спать, сидели возле него и говорили с ним. Его оперенье бурого цвета отливало зеленоватыми искорками, черные глаза-бусины блестели в темноте, и он слушал детей, тихонько отвечая: «Стри-и-и-и, ви-и-и-и-и-и-и-и-и-и».

И как-то в сентябре стриж не вернулся. Папа предположил, что стриж встретил своих сородичей и отправился с ними на юг. Мама успокоила детей, что весной их любимец,

возможно, вернется.

Вспомнив стрижику, Мика загрустил.

Перо в ладони очень походило на перо стрижа формой и размером, но оно было не бурое, а белое с искрой, словно чистый снег на солнце. Птиц с такими перьями Мика не встречал.

А вдруг правда Город Снегов существует?

И что, если тот дядька действительно колдун?

И что, если где-то летают бело-серебряные птицы?

Мика выпрямил стерженек. Надо будет склеить аккуратно, когда вернется домой.

И выяснить, какой птице принадлежит это перо.

* * *

Наконец Мику выписали.

Родители отправились забрать его из больницы, а Элли ждала дома. Когда он вошел, она бросилась к нему как ни в чем не бывало, и Мика, обрадовавшись, думать забыл об их ссоре. Дети обнялись, и мама с папой облегченно вздохнули.

Элли больше ни слова не говорила о колдунах и птицах. Его желание узнать, какой птице принадлежит белое перо, постепенно угасло, и он забыл, куда вообще спрятал подарок сестры.

Наступила зима, и дети ждали первого Нового года в новом городе.

В тот день снег валил огромными хлопьями, словно торопился укрыть голую землю и деревья. Зима выдалась необычайно теплой, снег падал и тут же превращался в грязную кашу. А сейчас даже небо было белым, и вокруг не осталось ничего, кроме этой слепящей белизны.

Под вечер Мика и Элли выбежали во двор.

– Мазила! – захохотал Мика, уворачиваясь от снежков. Убежал за горку и закидал сестру. Она упала на спину. Мика упал рядом.

– Как красиво, – глядя в темнеющее белое небо, прошептала Элли. На ее ресницах не таяли снежинки, волосы, выбившиеся из-под шапки, заиндевели. – Наш город как будто на облаках, как будто...

И замолчала.

– Ты похожа на Снежную королеву, – сказал Мика.

– Я не королева, а волшебница... А помнишь, как мы с тобой зимой убежали из садика?

– Помню, с нами еще Колька удрал. Ты садик ненавидела, а там, по-моему, неплохо было.

– Не, там ужасно было. Лучше бы родители меня на работу с собой брали. Я бы тихо себя вела, – хихикнула Элли.

– Ты тихо не умеешь, – хмыкнул Мика.

– Знаешь, у меня ужасно болит голова весь день и какие-то искры пляшут перед глазами, – вдруг пожаловалась Элли, – сейчас лучше, но все равно не очень хорошо. Пойдем домой.

– Пойдем, – согласился Мика, – только разок прокачусь!

– Не надо, – пробормотала Элли и удивилась, – почему я так сказала? Не знаю, но не надо тебе туда!

– Ерунда! – крикнул Мика и побежал на высокую ледяную горку.

Мика сам не понял, как это вышло, но его резко развернуло, и он ударился о бортник. Во рту стало солоно. Как он умудрился прокусить язык, Мика так и не смог объяснить ни родителям, ни врачу в приемном покое, куда они приехали всей семьей. Кровь не останавливалась, а кончик языка в буквальном смысле болтался. Язык распух, сделали анестезию, и Мика перестал чувствовать боль. Наконец рану зашили, и можно было идти и встречать Новый год, до которого оставалась пара часов. Мика не мог говорить, у него выходило одно мычание, и Элли от этого было грустно и смешно одновременно. На скорую руку накрыли стол, Мике налили супа, и он сидел и печалился, что не может нормально ни есть, ни говорить, при этом первое было гораздо обиднее. Элли тоже ела суп, за компанию.

Под бой курантов папа пожелал Мике ничего не прокусывать и не ломать в новом году, а Элли – учиться хорошо. Все, кроме Мики, закричали «ура». Мама зажгла бенгальские огни и заявила, что на улицу сегодня семейство не отправится, несмотря на ежегодную традицию ходить на городскую елку после двенадцати. Никто не возражал, поэтому все завалились на диван-кровать в гостиной и смотрели телевизор, по-

ка не уснули.

Утром Элли снова пожаловалась на головную боль и «искры». Мама потрогала ее лоб, позвонила знакомому врачу. Элли обследовали совсем недавно, но причину головных болей так и не выяснили. После таблетки боль прошла, но искры не исчезли. Они появлялись тут и там, скакали и веселились, но кроме Элли их никто не видел. К обеду искры, наконец, решили оставить ее в покое. Мика чувствовал себя прекрасно, язык вернулся в прежнее состояние, швы ощущались, но это была ерунда по сравнению со вчерашним вечером. Играли в лото, потом дошли до городской елки, но кататься с горок никто не захотел. Спать легли не так поздно, как в предыдущую ночь, но все равно не рано.

Мике снился какой-то сон-боевик с танками и взрывами, когда вдруг из одного танка вылезла Элли и сказала:

– Проснись! Скорее, скорее, не то ничего не узнаешь!

– Что?! – спросонья заорал Мика.

– Тише! – Элли зажала ему рот ладонью. – Слышишь?

Мика слышал. Мелодия звучала где-то на улице. Дверь на балкон была закрыта, а длинная полупрозрачная штора отчего-то колыхалась, словно чудом отбившаяся от моря волна. Элли подошла к балкону.

– Веришь теперь? Веришь, да? – глаза ее блестели. – Ну, мне пора.

Она завернулась в штору-шлейф и открыла дверь. Холодный воздух вместе с мелодией наполнил комнату.

– Там зима! Мороз! Ты чего?! – Мика рванулся к сестре.

– Нет, нет, Мика! Тебе со мной нельзя! Не сегодня... я должна сначала поговорить с Лазуриной. Обещаю, когда все уладится, я обязательно возьму тебя с собой в Город Снегов!

Мика почему-то послушался и лег в кровать, а Элли вышла на балкон и исчезла.

Утром сестра спросила, что ему снилось, и Мика, глядя ей прямо в глаза, уверенно ответил: «Войнушка какая-то». Элли улыбнулась и больше ничего не сказала.

После этого случая она долго не вспоминала о Городе Снегов, и Мика снова забыл о нем. У Элли все чаще болела голова, и в это время она видела разноцветные искры. В один такой момент она закрыла глаза и ждала, пока искры не исчезнут, но они прыгали, плясали, а через несколько секунд начали склеиваться и в конце концов стали цветным силуэтом. Элли открыла глаза: на месте силуэта был Мика.

Вид у Элли был озадаченный и растерянный.

– Что с тобой? – спросил Мика.

– Все хорошо, – махнула рукой Элли, – голова просто болит немного опять.

В следующий раз она увидела разноцветную маму, потом папу. Постепенно Элли забыла, что такое темно, потому что весь мир вокруг стал цветным даже ночью. Предметы излучали свет: какие-то сильнее, какие-то слабее. Элли нравилось закрывать глаза и смотреть на людей, животных, деревья. Мир с закрытыми глазами был совсем не таким, каким

Элли привыкла его видеть.

Пришла весна, и от деревьев, их зеленых листьев и стеблей шло оранжевое свечение. Люди и животные окрасились во все цвета радуги, и Элли было очень интересно почему, но она не знала, с кем поговорить об этом, а Мика явно не понял бы и не поверил, как всегда.

Шли дни, месяцы, Элли мучилась желанием рассказать Мике о своих открытиях и... молчала. В школе она, как и прежде, была хохотушка и активистка, а дома становилась серьезной и замкнутой. На все вопросы отнекивалась и отвечала односложно: да, нет.

Начальную школу Элли закончила на отлично, Мику еле вытянули на хорошиста. Брата во всем сравнивали с сестрой не в его пользу. Потому что кто лучше всех учится – Элли. Кто будет рисовать газету – Элли. А Снегурочка в школьном спектакле? Понятно, Яновская. А кто у нас танцует и поет лучше всех? Она и будет на празднике 8 Марта выступать. Мика же не пел, не рисовал, и вообще никакими талантами не блистал.

* * *

Лето дети проводили порознь. Мика с утра убежал с друзьями на лодочную станцию, где они купались, загорали и играли в волейбол. Элли как-то попросила взять ее с собой, но Мика сказал, что там одни пацаны, ей будет скучно, и что

они не очень-то хотят видеть девчонок. Элли не стала настаивать.

Несмотря на то, что в классе она, заводила и активистка, ровно и доброжелательно общалась со всеми, близких друзей так и не обрела. Единственным лучшим другом Элли был брат, но между ними сейчас высились башни Города Снегов.

Скучать, правда, Элли было некогда. Она выходила из дома почти сразу за Микой и шла в парк. Там садилась под липу и закрывала глаза. В разноцветных силуэтах людей она пыталась читать истории, угадывать пол, возраст и с каждым разом делала это все лучше.

По ночам Элли видела Город Снегов и девочку с белыми волосами. И они разговаривали.

– Лазурина, когда я здесь закрываю глаза, я вижу то же самое, что с открытыми, а там, дома, я вижу совсем по-другому, – недоумевала Элли.

– Знаю, – отвечала Лазурина, – ты еще и лечить можешь. И видеть будущее и прошлое. Просто не умеешь пока.

– Как?! Как научиться? – спрашивала Элли.

– А зачем тебе? – эхом отзывалась Лазурина.

– Это же... здорово! – восклицала Элли.

– И все? – усмехалась Лазурина.

– Я очень хочу, – только и могла ответить Элли.

– Одного желания недостаточно, нужно знать зачем, твердо знать, – качала головой Лазурина. – Когда поймешь – скажи, и я буду учить тебя.

Каждое утро Элли просыпалась с одним вопросом: зачем? Если бы поделиться с кем-то этой тайной, если бы кто-то выслушал и понял, возможно, она бы нашла ответ, возможно, Лазурину бы он устроил.

Наконец, Элли решила поговорить с братом, но днем никак не получалось – он уходил от любой беседы, придумывая разные причины: то он куда-то торопился, то устал, то еще что-нибудь. У Элли оставался только один способ заставить его врасплох и вызвать на разговор.

Той теплой июльской ночью Мике снилось, что он едет в поезде к морю. Летели мимо дома, реки, мосты, леса. И вот, наконец, самая главная остановка, Мика вышел из вагона, его обдало жарким ветром, который прошептал в уши голосом Элли: «Просыпайся, пойдем со мной!»

Она вдруг оказалась рядом, и он впервые за последние полгода не разозлился, что она рядом, напротив, он был рад, словно не видел ее все это время. Словно они не были постоянно бок о бок друг с другом, не жили в одной комнате, не сидели за одним столом на кухне и за одной партой в школе. Он видел море вдалеке и не мог вспомнить, почему они с Элли не общались, глаза защипало от соленого воздуха или от внезапных странных слез, и он готов был обнять и расцеловать ее.

Она сама обняла его и сказала:

– Пойдем, я познакомлю тебя с Лазуриной. И расскажу кое-что по дороге.

– Пойдем лучше на море, я на море ехал, – возразил Мика.

– Сначала со мной, а потом море. Я так долго ждала, ну пожалуйста, – попросила Элли.

– Ладно, – нехотя согласился Мика, – пошли.

– Нужно спеть песню Лазурины. Она ее специально для меня... для нас придумала.

Элли взяла его за руку и тихо запела:

Фата Моргана, дали
Нам освети,
Чтобы мы не теряли
В небе пути.

Фата Моргана, знаю,
Будешь добра,
Мы гуляем по краю
Ночь до утра.

Думаешь, это снится,
Но ты не спишь,
В небе летает птица,
Наш белый стриж.

Дальше слова стали шумом, у Мики закружилась голова, и он словно провалился в яму, а потом резко взмыл вверх. Ему показалось, что он стал легким, как пух. Мыслей не было, и несколько секунд вокруг была тьма, он висел в ней, словно в невесомости, а потом вдруг увидел, что снова стоит рядом

с Элли, но не у моря, а в их комнате.

– Слышишь? – спросила она.

Он слышал. Мелодия, похожая одновременно на пение птицы и шум дождя, лилась откуда-то с улицы. Элли взяла его за руку и повела к балкону. Штора из поблескивающей в свете луны органзы взлетела к потолку и повисла на невидимом крючке. Широкая лестница, по которой могли подняться двое, начиналась с пола балкона, ступени были в точности, как говорила Элли, – прозрачные, и в каждой была будто встроенная лампочка: они светились изнутри. Ступени пели. Элли и Мика, не сговариваясь, встали на первую, желтую.

И тут откуда-то выпорхнул белый стриж.

– Стри-и-и! Стрии-и-и-и! – поздоровался он, кружа над детьми.

– Элли, это же наш стриж, которого мы вылечили, – удивился Мика, – помнишь? Только почему он белый?!

– Да, наш стриж, я тебе хотела рассказать, но ты тогда не слушал, – ответила Элли и вздохнула: – Я тебе его перо принесла, а ты сломал.

– Это было сто лет назад, ладно тебе, – Мика протянул руки, и стриж опустился к нему в ладони.

– Он белый, потому что живет теперь в Городе Снегов, там все белые, и он такой стал, – объяснила Элли. – Он не смог догнать своих, когда они полетели в теплые края. И его подобрала Лазурина. С ней он и остался. А в тот день он предупредить меня хотел о чем-то плохом – о том, что колдун

рядом. Вот, перо потерял, я нашла. Помнишь тот день, когда ты упал?

– Стри-и-и, тири-и-и-и-и! – стриж взмыл в небо, зовя детей за собой.

Элли прошептала:

Брат, не надо бояться,
Триста шагов
Будем мы подниматься
В Город Снегов.

– Я не боюсь, Элли. Почему триста? Ты считала? – усомнился Мика.

– Считала. Потому что страшно смотреть вниз, а когда считаешь, не думаешь о плохом, – ответила она, – но сейчас мне уже не страшно, так что я просто иду.

– Ладно, пошли, – заторопился Мика. Ему не терпелось увидеть то, о чем столько раз рассказывала Элли.

Они стали подниматься по лестнице, и ступени тонули в облаках, подсвечивая их. Стриж то кружил над их головами, то исчезал. Они поднимались все выше и выше. Потом облака расступились, и впереди раскинулось огромное поле с пушистой белой травой и серебряными цветами, точь-в-точь как рассказывала Элли. Вдалеке было что-то зыбкое, похожее на город, над которым шапкой стояли облака. Мика и Элли направились к нему и шли, пока не оказались у высокой стены, сделанной из непрозрачного белого стекла.

– Стучи, – Элли кивком показала на блестящую серебряную дверь.

Мика потянулся, чтобы достать большое витое кольцо, и оно обожгло его пальцы ледяным холодом.

– Уф! – воскликнул он, отдернув руку. Задышал на пальцы, отогревая.

– Стучи, – повторила Элли, – не то проторчим тут всю ночь.

Мика еще подышал на ладонь и решительно схватился за ручку. Там-бам – глухо отозвалась дверь, а Мика взвыл от боли, затряс вмиг замерзшей по локоть рукой.

– Молодец, – похвалила Элли, – теперь подождем. Нас слышали.

– Откуда ты знаешь? Может, тебе тоже постучать? – поинтересовался Мика.

– Так я ведь часто бываю тут, – напомнила Элли, – точно тебе говорю, слышали. Одного раза достаточно. Я когда первый раз пришла, долбилась-долбилась, руки отморозила, а мне объяснили потом, что все слышно сразу.

– Ясно, – усмехнулся брат, – ладно, подождем.

И он присел было на приступок у стены, но тут же отпрянул.

– Тут все ледяное, что ли?!

– Не все, – ответила Элли, – это просто первый уровень защиты.

– Сколько их вообще? – спросил Мика.

– Я знаю три, но их больше, – Элли смотрела вверх, – там второй уровень, облака. Они всегда над Городом должны быть.

– Зачем? – удивился Мика.

– Затем, что если будет яркое солнце над Городом, жители ослепнут, – объяснила Элли, – они белые-белые. Им нельзя на солнце долго быть, обгорят и зрение потеряют. И Город сам по себе разрушится и исчезнет, а с ним все его жители. Лазурина так говорила.

– Ночью же нет солнца. Ночью-то зачем облака?! – заметил Мика. – Они никогда звезды не видят?

– Нет, не видят, – ответила Элли, – но некоторые выходят за пределы Города по разным делам и тогда видят звезды. А над Городом всегда облака. Так надежнее. Ведь если кто-то захочет причинить жителям вред, он найдет способ включить яркий свет и ночью.

– Понятно, – согласился Мика. – А еще какая защита есть, подземная? В смысле подоблачная?

– Ага, – кивнула Элли, – смотри!

Ворота становились бледнее, бледнее, пока совсем не исчезли, и открылся Город, переливающийся и мигающий, словно наполненный тысячами светлячков. Так казалось из-за искрящихся крапин белого камня, которым были облицованы дома. За домами виднелись высокие башни с серебристыми шпилями.

Мика с удивлением смотрел на Элли: вместо ночной со-

рочки на ней было платье из легкой ткани, похожей на штору в их детской. В волосах – крошечные белые цветы. На ногах – красные атласные балетки.

– На себя посмотри, – улыбнулась Элли, перехватив взгляд брата.

Мика опустил взгляд и увидел светло-коричневые замшевые брюки вместо пижамных штанов. Вместо футболки – белый пиджак. И обувь под стать: мягкие бархатные ботинки.

– Ты прямо юный принц, – довольно произнесла Элли и повела его по гладкой мраморной брусчатке сквозь узкие переулки между домами.

Шаги звучали шелестом крафтовой бумаги в полной тишине Города, погруженного в глубокий сон.

Брат и сестра вышли на круглую площадь, в центре которой возвышался дворец с четырьмя башнями. Казалось, дворец парил над площадью, так легки и изящны были его линии. Белое каменное кружево фасада звало взгляд вверх, туда, где над острыми куполами крыши сияли шпили. На одном из них сидел белый стриж. Витые колонны у входа во дворец расступились, дверь распахнулась, и дети вошли в зал, где внутри стеклянного озера пола плавали серебристые змейки. Во всю стену был огромный витраж с двумя фигурами: женщина в синем платье с белыми птицами и диадемой и мужчина с кривым носом в сером одеянии. В центре зала висело большое пушистое облако.

– Мы здесь, почему ты не встречаешь нас, Лазурина? –

спросила Элли.

– Потому что сегодня моя мама умерла, – ответило облако. Голос показался Мике очень знакомым.

– Как же так? – воскликнула Элли. – Она не могла умереть, она – волшебница!

– Волшебницы тоже умирают, – отозвалось облако, – мой отец оказался сильнее.

– Не может быть! Что теперь будет? – Элли еле сдерживала слезы.

– Эй, только не разрыдайся! – сердито крикнуло облако. – Прекрати сейчас же. Ничего не будет. Они сражались за пределами Города и поубивали друг друга. Теперь я одна. И королева, судя по всему.

– Ты же не видела, как все было, откуда ты знаешь, что они оба погибли? – возразил Мика.

– Оттуда, – зло ответило облако, – я была на стене и смотрела, вот откуда. Они бились всеми возможными и невозможными способами, пуская друг в друга молнии и ледяные стрелы. В итоге убили друг друга своей ненавистью.

– Какой ужас... как жалко, – сказала Элли.

– Да ладно, этим должно было все закончиться, и я попроситься не успела, ты же знаешь, после смерти наши жители просто исчезают... Тают в воздухе. Сначала Моргана исчезла, а через несколько секунд Хорбор, я так же исчезну, когда придет время.

Облако качнулось, и из него вылезла девочка.

У нее была молочная кожа, белые волосы, брови, ресницы и светло-голубые глаза. Несмотря на то, что Мика эту девочку ни разу не встречал, и вообще никогда не видел людей с подобной внешностью, блондинка кого-то ему напоминала.

– Лазурина, – она протянула ему руку, и он пожал ее, – дурацкое имя, не правда ли?

– Нормальное, – пожал плечами Мика, – у нас в классе вообще Евграф учится.

– Евграф, может, и учится, а Лазурин ты точно до меня не встречал, – заметила она, – а если сокращенно – Лала. Как тебе, нравится?

Элли усмехнулась. Лазурине Мика был явно симпатичен.

– Если тебе нравится, могу звать Лалой, – отозвался Мика.

– Значит, теперь все войны кончились и вам нечего бояться? – прервала их увлекательную беседу Элли.

Лазурина ответила:

Враг нам невидим, он нам
Неощутим,
Город наполнен звоном,
В Городе дым.

Здесь происходит что-то,
Это – беда,
Облачная пехота,
Льется вода...

– Но ведь самый злой враг убит, ведь именно его больше всего боялись жители Города! – возразила Элли. – Какая пехота, какая беда?

– Колдун убит, но и Моргана тоже погибла, – ответила Лазурина, – и они оба были моими родителями. Значит, во мне есть и добро, и зло. Мне нужно быть осторожной. К тому же неизвестные враги могут появиться внезапно, мама говорила: «Никогда не знаешь, откуда придет беда, поэтому надо всегда быть готовым к бою».

Лазурина и Элли стояли прямо друг напротив друга, лицом к лицу, и Мика заворуженно смотрел на них: они были похожи, как близнецы, лишь с разным оттенком кожи, волос и глаз. Они были словно книжка-раскраска, где на одной стороне полноцветная картинка, а на другой контур. Лазурина – чистый лист, Элли – пример для нанесения цвета на этот лист.

– Я боюсь, – тихо сказала Лазурина, – мне кажется, от Хорбора что-то осталось, какой-то сгусток беды, чего-то плохого, я ощущаю его так ясно! И теперь, когда Морганы нет, а я еще не совсем, вернее, еще совсем не волшебница, я почти ничего не умею. Слышите? Ливень начался, такого сотни лет не бывало, над Городом никогда не идет дождь. Если облака исчезнут, Город спалит солнце!

– Не бойся, Лала, – сказал Мика, – мы же пришли сюда. Вместе мы что-нибудь обязательно придумаем!

– Вам пора домой, – вздохнула Лазурина, – завтра приходите, может, и придумаем.

* * *

Перед глазами пошли яркие пятна, и Мика проснулся. На часах двенадцать. Дня. Ничего себе поспал. Элли в комнате не было. Мика слез с кровати и побрел в ванную. В голове прокручивались отрывки сна. Привидится же всякий бред. Главное, не проболтаться сестре, а то она еще подумает, что он ей поверил.

Элли сидела на кухне у окна и пила чай. Штора была убрана, и солнце светило так ярко, что вокруг Элли был сияющий ореол. Отливали прозрачной карамелью волосы, блестели медовые глаза.

– Какая-то ты конфетная вся, – поморщился Мика.

– И тебе утречко доброе, – ехидно поздоровалась сестра, – как спалось?

– Прекрасно, как обычно, – отозвался Мика, – где мама с папой?

– На работе, где же им еще быть, – ответила она, – вот записка.

– Сегодня же суббота, – удивился Мика, накладывая кашу в тарелку, – давно они уехали?

– Похоже, что да, я проснулась час назад, а каша чуть тепленькая. Вот записка: «Дети, завтракайте, мы поехали на ры-

нок за продуктами. Целуем, мама, папа», – прочитала Элли. – А чего ты хмурый?

Мика пожал плечами.

– Будешь? – предложила Элли, пододвигая тарелку с бутербродами. – Знаешь, мне сегодня очень странный сон снился...

Мика чуть не поперхнулся, с трудом проглотил комок каши.

– Какой? – пробормотал он.

– Будто мы вместе в Город Снегов пошли, а там колдун Хорбор и Моргана сражались друг с другом и оба умерли, правда, мы не видели, а только слышали об этом. – Элли внимательно посмотрела на брата и добавила: – Городу грозит опасность, там дождь идет. Еще мы договорились, что придем сегодня снова. Ой, извини, ты же бесишься, когда я тебе об этом рассказываю.

– Да ладно, что там было дальше... говори, раз уж тебе хочется, – как можно равнодушнее сказал Мика, стараясь не смотреть на сестру.

– Ты ушел раньше меня, а я задержалась ненадолго, и мы с Лазуриной, или, как ты ее сейчас называешь, Лалой, – Элли многозначительно помолчала и продолжила, – пошли за стену, посмотреть, сколько облаков осталось, надолго ли их хватит, потому что дождь лил, лил и не прекращался.

Она посмотрела в окно. На улице было солнечно.

– И надолго хватит облаков? – с тревогой спросил Мика

Элли медленно повернулась к нему, медовые глаза потемнели. Она придвинулась поближе и шепнула:

– Я знаю, тебе снилось то же самое!

– Нет! – дернулся Мика. – Мне вообще другое снилось!

– Ну да, конечно, – усмехнулась она, – вообще другое про то же самое.

Мика молча доел бутерброд и ушел, хлопнув дверью.

Элли пожала плечами. Подумаешь, разозлился. Главное, у него как-то получилось увидеть ее Город на облаках.

На лестничной площадке слышались шаги и грохот. Элли подбежала к двери и прильнула к глазку: дверь напротив была распахнута настежь, суетились какие-то люди, заносили мебель.

И тут Элли увидела его. Он был старше их с Микой. Высокий, темноволосый и очень красивый.

Элли опустила глаза, потому что ей вдруг показалось, что он смотрит сквозь дверь и понимает, что она его разглядывает. Элли ушла на кухню и ждала, пока грохот за дверью не закончится. Подошла к глазку: на площадке никого не было, дверь напротив – закрыта. Элли вздохнула, надела босоножки и пошла на улицу. Во дворе было безлюдно, она заглянула за угол дома и увидела там брата. Он пинал мяч о стену, отрабатывая удары.

– Может, в десяточку? – неуверенно предложила Элли.

– Отстань, – огрызнулся Мика, – с подружками в свою десяточку играй кукольным мячиком.

И заорал вдруг зло, с ненавистью:

– Иди отсюда! Как ты меня достала!

Элли побледнела, постояла в нерешительности, но Мика вдруг резко и сильно бросил в нее мяч так, что она едва успела увернуться.

– Сдурел?! – выдохнула Элли.

– Иди отсюда! Оставь меня в покое! – крикнул Мика.

Она ушла во двор. Качаясь на качелях, она думала о том, что у брата бывают приступы агрессии. Еще в садике он мог на ровном практически месте на какое-то замечание воспитателя начать кидать стулья. При этом он молчал, глядя исподлобья и сжимая кулаки, словно намереваясь ударить любого, кто к нему приблизится. Успокоить его в эти моменты было нереально. Дома мама и папа долго выясняли причины, объясняли. Мика обещал: это больше не повторится, и он вообще сам не знает, зачем так сделал, не помнил, что конкретно происходило в тот момент.

До вечера они не виделись. В тишине поужинали под вопрошительными перекрестными взглядами родителей: мол, в чем дело опять?

Молча забрались в свои кровати.

– Прости меня, Мика, – в полной тишине сказала Элли, наконец, – я, может, не вернусь сегодня, поэтому давай простим за все друг друга.

– Если твоей подружке и правда нужна помощь, то лучше уж мне пойти, – заявил Мика, – ты девчонка, а я дерусь хо-

рошо. И у меня нож есть.

– Откуда, зачем он тебе? Ну-ка, показывай.

Мика неохотно отогнул матрас. Нож был настоящий. Элли схватила его, стала разглядывать. Большой, острый, блестящий. С черной пластмассовой ручкой. Из кухонного комплекта.

– Всякое в жизни бывает, – многозначительно выдал Мика, – я его припрятал, если понадобится с твоими врагами сражаться.... Там, на облаках.

– Мика, ты дурак, – грустно сказала Элли, – и ты такой ужасно злой был сегодня, ты меня пугаешь, когда такой. Что на тебя нашло?

– Не знаю, что-то нашло. Извини. Но ты сама меня вывела уже своими историями, – ответил брат.

– Нож отдай, – попросила Элли, – унесу на кухню.

– Не отдам, пусть сегодня под подушкой полежит, – проворчал Мика и отвернулся к стенке.

Элли вздохнула, забралась в кровать.

И они снова попали в Город.

На этот раз они просто вдруг оказались там – по крайней мере, ни один из них не помнил ни подъема по лестнице, ни того, как открылись ворота, чтобы пропустить внутрь.

Мика и Элли посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, молча пошли по гладкой мраморной брусчатке узких переулков между домами.

И снова шаги их ложились мягким шелестом в тишине

Города, погруженного в глубокий сон. И вновь дорога привела на знакомую круглую площадь, где стоял белый кружевной дворец с четырьмя башнями и высокими шпилями. Белый стриж был там. Когда Мика и Элли остановились перед входом во дворец, стриж слетел вниз и сел на плечо Элли. Он сказал: «Стри-и-и», и витые колонны разошлись в стороны, дверь распахнулась, впуская в зал. Под толстым стеклом озера, вода в котором на этот раз бурлила, змеек не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.